

«Чудак» на сцене и драматург в жизни:
социокультурный контекст рождающегося сталинизма

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, iurganov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается пьеса А.Н. Афиногенова «Чудак» в контексте рождающегося сталинизма, который в момент своего становления требовал уже не революционного энтузиазма, о котором и говорилось и писалось много, а прямого подчинения распоряжениям партийного аппарата, – так возникает конфликт и в пьесе, и в советском обществе. Сам Афиногенов испытывал сложные настроения переходного времени, когда уходила либеральная эпоха нэпа и возвращалась эпоха гражданской войны. Драматург изобразил в пьесе энтузиаста Бориса Волгина, в образе которого видел своего друга Бориса Васильевича Игрицкого, и одновременно ему же писал о состоянии полной политической неопределенности, в которой пропадает перспектива и вера в будущее. Будучи драматургом «генеральной линии», Афиногенов подавлял в себе критическое настроение, пытаясь соответствовать новым временам, а они, в свою очередь, требовали не романтического героя, а классовой борьбы со всяким «выходом» за пределы полной и безусловной подчиненности решениям партии.

Ключевые слова: пьеса А.Н. Афиногенова «Чудак», новая экономическая политика, идеология сталинизма, Б.В. Игрицкий, И.В. Сталин, Н.И. Бухарин, М.П. Томский, «правая оппозиция»

Для цитирования: Юрганов А.Л. «Чудак» на сцене и драматург в жизни: социокультурный контекст рождающегося сталинизма // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. С. 139–158. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-139-158

The “Weirdo” on stage and the playwright in life. The sociocultural context of the emerging Stalinism

Andrei L. Yurganov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
iurganov@yandex.ru*

Abstract. The article deals with Afinogenov’s play “Weirdo” in the context of the emerging Stalinism, which at the moment of its formation demanded not revolutionary enthusiasm, which was much spoken and written about, but direct submission to the orders of the party apparatus – that is how the conflict appears in the play, and in the Soviet society. Afinogenov himself experienced the difficult moods of a transitional time, when the liberal era of the NEP was gone and the era of civil war was returning. The playwright portrayed the enthusiastic Boris Volgin, whom he saw as his friend Boris Igritsky, and simultaneously wrote to him about the state of complete political uncertainty, in which perspective and faith in the future are lost. As a playwright of the “general line” Afinogenov suppressed his critical mood in an attempt to correspond to the new times, which, in turn, demanded not a romantic hero, but a class struggle with any “exit” beyond the full and unconditional subordination to the decisions of the Party.

Keywords: Afinogenov’s play “Weirdo”, new economic policy, Stalinist ideology, I.V. Stalin, B.V. Igritsky, N.I. Bukharin, M.P. Tomsky, “right-wing opposition”

For citation: Yurganov, A.L. (2023), “The ‘Weirdo’ on stage and the playwright in life. The sociocultural context of emerging Stalinism”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 139–158, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-139-158

3 мая 1929 г. пьеса драматурга Александра Афиногенова «Чудак» была прочитана на заседании художественно-политического совета МХАТ 2-го, и 14 ноября того же года состоялась премьера. Всего этот спектакль выдержал более пятисот представлений, вызвал огромную полемику в театральной общественности, получил одобрение И.В. Сталина и ввел молодого драматурга в высший круг управленцев Пролеткульта.

Главный герой пьесы – Борис Петрович Волгин, заведующий расчетным столом Загрязской бумажной фабрики, ему 26 лет, он по духу энтузиаст. Волгин призывает организовать на фабрике кружок энтузиастов, зачитывает обращение. Директор фабрики, коммунист Андрей Викторович Дробный, не верит в энтузиазм

рабочих и готовится уехать в Ленинград на повышение. Председатель фабричного профсоюза Анна Лукинична Трощина старается выполнять все поручения и откровенно не понимает – а зачем нужен энтузиазм? Зачем делать больше, если нужно делать то, что предписано?

Рискованное противопоставление беспартийного Волгина партийному и профсоюзному руководству фабрики на самом деле было просчитано драматургом [Юрганов 2023, с. 156–174]: пьеса отвечала задачам идеологической кампании по «самокритике», которой руководил лично И.В. Сталин. Один из главных партийных исполнителей этой кампании, А. Сольц, хвалил премьерный спектакль: «Пьеса современная. Она изображает жизнь захолустной бумажной фабрики в Рязанской губернии и в общем дает правильную и нужную картину этого бытия»¹.

Он одобрил ту общую картину, которую многие не воспринимали как адекватную!

...В полном соответствии с нашим лозунгом самокритики (курсив мой. – А. Ю.) отражены теневые стороны нашей работы – чванство и невежество, хулиганство и антисемитизм, а также удушающий нас формализм еще довольно прочно сидит в нашей среде, а посмотреть эти язвы в виде живых человеческих образов, чтобы устыдиться их и всячески поработать над их изживанием, пожалуй, полезнее, чем слушать по этому поводу доклады. Артисты великолепно играют и живо отображают наши недостатки. Это хорошо»².

Кампания «критики и самокритики», начавшаяся весной 1928 г., была первой идеологической кампанией, в которой генеральный секретарь партии большевиков демонстрировал инициативу и личное руководство: это был хитрый ход в шахматной партии с далекоидущими планами, нацеленный на борьбу с группой Бухарина. Никто, кроме Сталина, не держал в уме подобных интриганских расчетов и планов, никто, кроме него, не претендовал на абсолютную власть в партии. Но сказать об этом прямо нельзя – нельзя допустить, чтобы столь возвышенная задача, как борьба с бюрократизмом, была распознана как тщательно подготовленная, но до времени скрытая игра Сталина против политических врагов...

13 апреля 1928 г. Сталин прочитал доклад на собрании актива московской организации ВКП(б), в котором дал отмашку в развертывании «самокритики» в рядах партии, в государственных органах

¹ РГАЛИ. Ф. 1990. Оп. 2. Д. 104. Л. 146.

² Там же.

власти. Он подчеркнул в своем докладе, что «лозунг самокритики нельзя считать новым лозунгом»³. Это нечто, что «лежит в основе режима диктатуры пролетариата». Раз уж большевики ни с кем не делят власть – нет других партий, кроме большевистской, – то «мы сами должны вскрывать и исправлять наши ошибки, если хотим двигаться вперед»⁴. Лозунг самокритики получил поддержку на XV съезде партии, – и в новой ситуации, когда нет больше оппозиции в партии, утверждал Сталин, нужна критика и самокритика, чтобы не «проникнуться чувством самодовольства, чувством самовлюбленности»⁵.

Казалось бы, все это «логично» в меру предлагаемых обстоятельств, – что можно придумать еще в качестве противоядия? Но критиковать «себя» – это значит критиковать партию, она ведь единственная, другой-то нет! Сталин ловко поставил вопрос так: пусть враги узнают не только об ошибках, но и о силе коммунистов, не боящихся правды.

Кампания самокритики была построена таким образом, что никто не мог ответить на главный вопрос – *как определить*, где критика «честная, открытая», а где она «контрреволюционная».

Каков же смысл энтузиазма в словах главного героя – с точки зрения драматурга?

Волгин отвечает Трощиной: «Если вы не поняли – я прочту еще раз. (*Читает.*) “Тысячи тысяч циркулярных писем кончаются лозунгом – строить социализм. Слова о социализме плывут мимо нас, как лодки, не оставляя никаких следов в сердце. Энтузиасты хотят начинить эти слова пироксилином (взрывчатым веществом. – А. Ю.), чтобы они дробили неповоротливые черепа и позволили видеть горизонт. Энтузиасты хотят на деле доказать, что они понимают значение этих двух слов и всю работу подчиняют им”. Неужели так сложно?...»⁶.

Возникает граница между обычным человеком, выполняющим предписания, и энтузиастом, для которого лозунги – отнюдь не пустой звук, а область воодушевления, даже пафоса. Казалось бы, кто против?

³ *Сталин И.В.* О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК: Доклад на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. // Сталин И.В. Сочинения. М.: Государственное изд-во полит. лит., 1949. Т. 11. С. 29.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 30.

⁶ *Афиногенов А.Н.* Избранное: В 2 т. / Вступ. ст. А.В. Караганова; сост. и примеч. К.Н. Кириленко, В.П. Коршуновой. Т. 1: Пьесы, статьи, выступления. М.: Искусство, 1977. С. 139.

Однако Трощина возражает.

Слова, исходящие от партии, требуют именно исполнения. Если же кому-то хочется большего, то в таком случае надо признать, что этого не требует сама партия.

Волгин, вся партия строит социализм и эти слова понимает не хуже какого-нибудь интеллигента. Вот мы проводим соревнование, подписываемся на заем, а что с вами прикажете делать? По какой линии вы существовать будете, с кем планы увязывать, а?⁷

Выступая на обсуждении пьесы в МХАТе 2-м (3 мая 1929 г.), Афиногенов пояснял, как нужно воспринимать пьесу, чтобы это восприятие было правильным политически (он признавался: «Материал пьесы может дать различные поводы для его толкования, и от того, какое изберет театр, – зависит правильная политически подача пьесы»)⁸. Чтобы уйти от ненужных коннотаций, драматург свел всю драму к одной проблеме: «Основная проблема пьесы – это два пути беспартийной интеллигенции. Игорь и Борис – два начала пьесы, между ними развиваются основные столкновения, приводящие к вопросу: можно ли быть только “честным служакой”, или и за беспартийным остается право на энтузиазм социалистической стройки и это право должно быть развернуто в действие?»⁹.

Основной конфликт между друзьями интеллигентами – это принятие или неприятие пафоса социалистического строительства. Если человек не энтузиаст, он ищет себя в мимикрии: на словах вместе с партией, а на деле занят собой, своим успехом, карьерой и т. д.

Вот как это звучит в споре Бориса и Игоря (в диалоге участвует также жена Игоря, Юля):

Борис. Игорь, ты будешь замечательным энтузиастом.

Игорь. Э, нет. В этой затее я не участвую.

Борис и Юля. Игорь, как? Игорь?

Игорь. Спокойствие. Ты забыл, верно, кто мы такие? Я напому и прошу слушать. Мы – канцелярские крысы, беспартийные интеллигенты, Борис. Вдумайся хорошенько в значение этого ярлыка. Владей я партийным билетом – я был бы уже сейчас на месте Дробного, а через два года обогнал его. Сначала членом правления, потом председателем треста. А теперь выше стола управдела меня не пустят.

---

⁷ Там же. С. 139–140.

⁸ Там же. С. 469.

⁹ Там же.

Борис. Есть люди, для которых партийный билет – ключ к кабинету директора. Насколько мне известно – таких людей из партии выгоняют.

Игорь. Дело не в кабинете, Борис, а в перспективе. Пусть кричат об энтузиазме люди с билетами. У них есть перспектива, они могут бороться и критиковать, а нам нужно молча идти своей дорогой, в чужой монастырь нечего соваться со своим уставом.

Борис. Ну, знаешь... (*Подходит к нему, делает гимнастику.*) Джонни (собака Бориса. – *А. Ю.*), заткни уши, здесь всего наслушаешься. Все дело в том, что этот монастырь я, вместе со всеми, перестраиваю в небоскреб. Я не чужой в нем, я имею право радоваться каждому новому этажу и ругать ленивых каменщиков, будь они даже с партийными билетами.

Игорь. И когда-нибудь, помяни мое слово, ленивый каменщик с партийным билетом сбросит безбилетного энтузиаста на мостовую. Нет, нет, энтузиазм – это борьба, это политика, а политика не наша дорога, – подальше от нее; я вот через три года сдам экстерном на инженера узкой специальности, выучу английский язык и буду незаменимым спецом. По вечерам я зубрю забытые теоремы, извлекаю квадратные корни, черчу, вычисляю, – вот как надо работать. Пусть наша тропинка узковата с виду, но будет время, политики перегрызутся, энтузиасты выдохнутся, чудачки перемерут, – одни машины войдут в будущее. И кто хочет стать человеком будущего, – должен учиться на инженера, а не записываться в энтузиасты.

Юля. Какой ты у меня умный, Игорь. Но только неужели в социализме останутся одни инженеры? Боже мой, как это будет скучно.

Игорь. Для кого как. Социализм – это итог всей человеческой борьбы за существование. И победителем к финишу придет тот, кто дерется, а не философствует; кто высчитывает, а не полагается на энтузиазм. Победят не психологи, а математики, для которых таблица логарифмов звучнее всяких рапсодий Листа. Математики и инженеры сделают жизнь простой и легкой, как дважды два. Они стандартизируют не только пиджаки и автомобили, но и чувства людей. Человек-стандарт – вот идеал будущего. А Сократы, Шопены и Достоевские до социализма не доживут!

Юля. Какой ужас!

Борис. Не верь ему, Юля, не верь! Люди боролись и умирали за лучшее будущее не для того, чтобы стать рабами таблицы умножения или парового молотка. При социализме Шопенов будет в тысячу раз больше, чем поваров. Каждый слесарь будет... Сократом... Шопеном...

Игорь. Фантазия и мираж¹⁰.

¹⁰ Афиногенов А.Н. Указ. соч. С. 144–145.

Драматург выстроил целую галерею психологических типов советской действительности.

Безусловно положительный типаж, как он считал, – Борис Волгин. Но он не вписывается в привычную жизнь людей того времени: он скорее правильное исключение или необходимый угол зрения драматурга, чтобы показать недостатки других персонажей пьесы. На фоне Волгина его друг Игорь – американизированный человек, думающий о высоком стандарте жизни, которого следует достичь. Жену Игоря, Юлю, – как говорил Афиногенов в упомянутом выше выступлении, – «тоже нельзя до конца назвать хорошей в смысле противопоставления ее хорошесть – партийцам. Ибо порывы Юли, подымающие ее над уровнем обычных представлений о машинистках как о женщинах, пудрящих нос, – идут от Бориса. Это Борис толкает ее вперед, он почти отрывает Юлю от обычной для такого рода женщин дорожки, но только почти, так как Юля все же уезжает в Ленинград»¹¹.

В пьесе действуют положительные партийцы, это старый рабочий Петрович и молодой комсомолец Федя Вешняков, поэт. «Эти двое, – говорил Афиногенов, – олицетворяющие – один лучшую часть партийцев-рабочих, другой – пылкую порывистость смены этим Петровичам, эти двое друзья Бориса, они первые вступают в кружок и работают в нем»¹².

Коммунистов Дробного и Трощину драматург хотел изобразить «не как плохих от природы людей, влезших в партию с целью хорошенечко набюрократничать». Афиногенов говорил: «Я писал их как людей, пришедших в партию хорошими работниками, честными и преданными солдатами революции, отдавшими партии все. Но именно потому, что они без оглядки окунулись в будничную работу, случилось так, что *аппарат стал над ними, они не сумели удержать равновесия* (курсив мой. – А. Ю.). У Дробного получился явный крен в делячество, у Трощиной – в схематизм и преклонение перед инструкцией сверху»¹³.

Итак, в картине мира, созданной драматургом, к положительной характеристике относится все, что вдохновляет людей на большее, чем простое исполнение приказов. Но, создавая образ Бориса Волгина, Афиногенов понимал, что в нем сосредоточено внутреннее противоречие, которое простодушно выразила Трощина: «...по какой линии вы существовать будете?» Ведь всякий выход за пределы бюрократической нормы в сферу творчества и самоотдачи

---

¹¹ Там же. С. 470.

¹² Там же.

¹³ Там же.

будет непременно означать индивидуализм, осуждаемый партией, для которой культ коллективности культ основополагающий.

Афиногенов строит образ Волгина так, чтобы в нем сосуществовали два вектора поведения, едва ли не противоположных: энтузиазм героического свершения и железная дисциплина члена профсоюза. Эти качества формально противостоят друг другу, но драматург не только примиряет их, но пытается объяснить, почему такое сосуществование в советской действительности возможно: «...было бы непростительной ошибкой трактовать Бориса как Дон Кихота современности или как Манилова нашей эпохи. Высокий социальный оптимизм Бориса, исходящий от глубокой веры в свое органическое слияние с революцией, позволяет ему гораздо легче переживать все свои несчастья, чем Игорю – его одно. То, что Борис умеет всю даже мелочную работу подчинить великой единой цели – “строить социализм” – опять-таки, по-моему, характеризует его как личность в высокой степени социально полезную, несмотря на его кажущийся индивидуализм. Кажущийся, повторяю, ибо коллективная дисциплина в Борисе настолько велика, что он отказывается идти в рошу, к Симе, подчиняясь требованию Трощиной, являющейся представителем выборной организации»¹⁴.

Упомянутая Сима Мармер была еврейкой, которую травили на фабрике, и, если бы Борис Волгин не послушался Трощиной и пошел бы в рошу, чтобы защитить девушку от хулиганов, она бы не покончила с собой. Этого противоречия Афиногенов не замечает! Нравственные ориентиры выстраиваются в логике необходимого подчинения тому, что олицетворяет собой коллективную власть над личностью.

Но не все так просто и однозначно. Афиногенов говорил, что его пьеса «Чудак» была написана под некоторым воздействием знаменитой пьесы норвежского драматурга Генриха Ибсена «Враг народа». Главный герой этой пьесы, доктор Стокман, делает открытие, что лечебные воды одного приморского городка, в котором его брат Петер – глава города – заражены отходами канализации, и люди не лечатся, а заражаются новыми болезнями. Доктор предлагает дорогостоящий вариант очистительных сооружений, что не устраивает руководство города, а также большинство жителей, заинтересованных в получении прибыли от курорта. Стокмана объявляют «врагом народа», увольняют. Он приходит к выводу, который выражает собой дух всей пьесы: «враги истины и свободы – это сплоченное либеральное большинство». Для Генриха Ибсена такая категория, как свободная личность, – это не «чудак» в тоталитарном мире,

---

¹⁴ Афиногенов А.Н. Указ. соч. С. 471.

а фундамент мирового порядка, в котором истина не принадлежит большинству.

Обратим внимание на то, как Афиногенов расставил акценты, упоминая эту пьесу:

В маленьком городке жил маленький доктор. Затеял он небольшое дело – разоблачить администрацию местных минеральных вод; такими ли разоблачениями пестрят ежедневно наши газеты? Администрация, как часто бывает, уволила доктора и его сторонников. Заварилась история, очень схожая с преследованием смелого рабкора (имеется в виду Волгин. – А. Ю.), а из истории выросла пьеса – «Враг народа», вошедшая в мировую литературу и создавшая новый тип человека – доктора Штокмана. Маленькая история выросла в громадную тему. Современные драматурги чаще всего поступают наоборот. Берут громадную тему и превращают ее в маленькую историю. *Проблема вредительства?* Пожалуйста. Спец-вредитель, спец-честный, разлагающийся директор, смелый рабкор. *Семичасовой рабочий день?* Сколько хотите! Директор – за, фабком – против. Или наоборот. Помогает масса. *Пятилетка?* Есть! Все – за, кто-нибудь – против. Вывозит все та же масса¹⁵.

Бориса Волгина увольняют за то, что он взял на работу Симу Мармер, не имея на то прав и оснований, хотя все знали, что ее, еврейку, преследовали антисемиты–рабочие фабрики. Волгин спас девушку, но нарушил правила. К нарушению правил добавилась клевета об интимной связи Волгина с Симой.

Игорь обещает Борису поддержку. Но он мыслит себя успешным и стандартным работником, не берущим на себя дополнительных обязательств, а в случае с Волгиным надо быть выше правил – идти против течения, утверждать правду. Игорю и его жене Юле обещан Дробным переезд в Ленинград, там у них откроется будущее.

Влюбленный в Юлю Борис Волгин пытается оторвать ее от Игоря и предлагает путь энтузиастов – в неизведанных землях на неизведанных стройках: «Пойдем, Юля, пойдем, золотистая головка. Советской стране нужны преданные сердца и в тайге, и в Самарканде. Не оставайся с ним, он приспособит тебя к универсальной торговле убеждениями, мыслями, дружбой – всем, что еще не распродано»¹⁶.

Юля сначала решается уйти с Борисом, но ее охлаждает муж. Она понимает, что не способна «рыть торф на гнилом болоте или поливать хлопок»¹⁷.

¹⁵ Там же. С. 475–476.

¹⁶ Там же. С. 180.

¹⁷ Там же.

Концовка пьесы «Чудак» отличается по духу от концовки пьесы «Враг народа». Рабочие фабрики поддерживают Бориса Волгина, подписывают петицию о его возвращении. Подписывает эту петицию и Анна Трощина.

Но Волгин уходит. Он ищет новые места приложения своих сил...

В 1930 г. кое-где в стране уже стали запрещать спектакль «Чудак». Время кампании *самокритики* сменилось временем кампании по *чистке* партийных и государственных органов власти. Под особым подозрением оказывались именно специалисты, беспартийные интеллигенты, их разоблачали, если они скрывали свое социальное происхождение, просто выгоняли с работы, а иногда сознательно делали их «бывшими людьми» – безработными и бездомными.

1 февраля 1930 г. Афиногенов написал письмо Н.В. Петрову, художественному руководителю Ленинградского академического театра драмы, в котором дал рекомендации, как именно изображать Бориса Волгина: «Главное в Борисе – не делать его агнцем с сиянием на голове и дать почувствовать прочную его “землистость” (связь с рабочими, действенность его энтузиазма и пр.)»¹⁸. Психологическая установка драматурга исключала романтическую правду в борьбе с коллективностью. Изображая Волгина, он хотел изобразить *не правду личности*, а необходимый пафос, – необходимый для критики действительности и в самой действительности, как он ее понимал. А понимал он так (запись 1929 г.): «Писатель, оторвавшийся от масс, страдает психологизмом. Факт. Люди, которые не хотят страдать, – идут к массам и там постоянной работой и занятостью глушат вызревающие противоречия»¹⁹.

В 1930 г. был опубликован текст пьесы «Чудак». Предисловие написал Р. Пикель, член Главного репертуарного комитета, театральный критик, известный своими погромными статьями о драматургии М.А. Булгакова. Это был один из самых влиятельных государственных инквизиторов в литературе и искусстве. Его одобрение пьесы было больше, чем просто мнение. Это было очерчивание границ, в рамках которых пьесу можно принимать как пролетарскую. Но не скрывался и возможный другой смысл – совершенно недопустимый. Это предисловие как бы подводило итог всем статьям, спорам, которые велись вокруг пьесы «Чудак».

Самое важное из сказанного им – главный герой пьесы отнюдь не главный герой, и даже не положительный. Это ключ к пра-

¹⁸ Афиногенов А.Н. Указ. соч. Т. 2: Письма. Дневники. С. 27.

¹⁹ Там же. С. 134.

вильному пониманию ситуации. Р. Пикель повторил те же слова, которые говорила о кружке энтузиастов Анна Трощина. Чтобы не противопоставлять Волгина другим персонажам, партийным и профсоюзным, следует думать, что проект кружка энтузиастов «отдает некоторым беспочвенным романтизмом. Он (Волгин. – А. Ю.) скорее мечтатель, нежели строитель»²⁰.

Пикель ничего не пишет о *дурных качествах* Дробного и Трощиной, – а они представлены в пьесе резко отталкивающими. Зато он не жалеет черных красок для Волгина: «Первой и большой ошибкой всякого режиссера было бы, если бы он решил Волгина сделать центральной фигурой, превратить его в героя. Волгин не только чудак для окружающих, но – и по своей натуре. Он – нескладен, неряшлив, порой даже со стороны может произвести впечатление ограниченного человека. У него ничем не оправдываемый интеллигентский гонор (нежелание вмешать в свое личное дело кружок энтузиастов) и излишний сентиментализм (беседы с собакой). Наверяд ли в такие моменты он должен располагать к себе аудиторию»²¹.

Эпоха энтузиазма уходила за горизонт прежней революционности; энтузиаст – вне учета и контроля. Пикель писал: «Основное в пьесе – окружение Волгина. Вокруг Волгина группируются все действующие лица. Он – узел проблемы, но не разрешение ее»²².

Реальным прототипом Волгина был близкий друг Афиногенова, Борис Васильевич Игрицкий. Ему и посвящена пьеса.

25 марта 1929 г. драматург написал письмо, используя в нем строфический размер.

Оно начинается так:

Я не пишу тебе потому, что пишу о тебе.
И то, что я пишу о тебе – посвящено тебе
И придет в виде объемистого семидесятистранич-
ного произведения в Новороссийск. Жди.
Наташа шепнула мне: «Напиши Борису».
Я пишу Борису, хотя ежевечерне по
Три-четыре часа разговариваю Борисом
На страницах в муках рождающейся пьесы.
Она называется «Чудак». Это – разумеется, ты – чудак²³.

²⁰ Пикель Р. Предисловие // Афиногенов А.Н. Чудак. М.: Театроиздат, 1930. 84 с.

²¹ Там же. С. 7–8.

²² Там же. С. 8.

²³ Афиногенов А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 22.

Борис Васильевич Игрицкий (1901–1968) был заметной фигурой среди партийных журналистов. Родился он в г. Елец Орловской губернии, окончил реальное училище, вступил в РКП(б) в октябре 1918 г., участвовал в Гражданской войне. В 1921 г. – редактор газеты. Он был активистом в г. Скопине, где и познакомился с А.Н. Афиногеновым. С 1921 по 1924 г. он учился в Московском институте журналистики. Затем работал на Кавказе, в Сибири. Был репрессирован, воевал на фронте, имел высокие награды. Афиногенов не ошибся, называя своего друга настоящим энтузиастом и преданным партии человеком.

Письмо Б.В. Игрицкому от 25 марта 1929 г. было опубликовано в 1977 г., во втором томе сочинений А.Н. Афиногенова, но со значительными купюрами:

Два акта ее (пьесы. – А. Ю.) – читал Каргошка²⁴ – и сказал:
 «Мне нравится человечность и теплота, с которой она написана. Пиши дальше, пиши и пиши Бориске. Пиши». Я пишу.
 Так что мне странно немножечко сейчас разрывать образ Бориса надвое, – один из которых в «Чудаке», другой – в Новороссийске²⁵.

Афиногенов отмечает в письме надвигающиеся перемены и состояние общества, готовящегося их пережить. Его волнуют не только хозяйственные проблемы страны, но и политические дела в партии большевиков:

Ты просишь новостей. Увы – я не могу порадовать тебя ничем, что могло бы быть написано в категорической форме. Сейчас весна, люди ходят в калошах и говорят о погоде. Они говорят также о хлебных карточках, о сахарной спекуляции, о Турксибе, об отсрочке конкуренции и пленума, о новых займах²⁶.

Дальше – изъятие при публикации слова драматурга о политической неопределенности. Афиногенов дописывает пьесу «Чудак» с пафосом строительства социализма, обращается к другу, в котором

²⁴ Александр Дмитриевич Каргополов – писатель, журналист, друг А.Н. Афиногенова.

²⁵ Афиногенов А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 22.

²⁶ Там же. С. 23.

видит реального энтузиаста, но все, что он создает своим воображением в пьесе, никак не сочетается с тем, что происходит в партии большевиков, по его же собственной интерпретации:

Но все это не то, не то, не то.
Удивительная бесперспективность (курсив мой. – А. Ю.).
Дезориентированы все, никто в
точности не знает – как повернут
руль через неделю, а питаться сплетнями,
которых бесконечное количество – право
не имеет смысла. Диапазон разговоров
громадный – от зерновых фабрик до войны²⁷.

Пафос строительства социализма никуда не уходит, конечно, но встречает в сознании Афиногенова свою «диалектическую» противоположность:

На Урале строится Магнитогорский
Завод. Завод проглотит сорок тысяч ра-
бочих и один – перекроет всю про-
дукцию Уральского предгорья.
На Турксиме – в мороз и вьюгу – молодняк
инженеров ведет линию стройки, удешевив
строительство на двадцать миллионов. Работают
дьявольски. – Узбеки некогда помолиться.
А – сахару дают по два кило в месяц.
А – хлеба четыреста грамм в Москве и
триста – двести в провинции. А – Сибирь
мрачно ждет результатов зимних морозов²⁸.

Дальше – вновь о политической ситуации в стране. Этот текст тоже был изъят при публикации письма:

А Бухарин и Томский –
отошли от работы и молчат,
упорно отнекиваясь. Молчат, не
разделяя курса и требуя перемен.
Блоки создаются и рассыпаются,
Настоящих людей не хватает. «Из-
вестия» сидят без редактора – ибо
некого посадить. Некого²⁹.

---

²⁷ РГАЛИ. Ф. 2172. Оп. 2. Д. 52. Л. 53 об.

²⁸ Афиногенов А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 23.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 2172. Оп. 2. Д. 52. Л. 54.

Здесь требуется комментарий. Как это возможно, что Бухарин и Томский «молчат, не разделяя курса и требуя перемен»? Очевидно, речь идет о каком-то своеобразном «молчании» в политическом противостоянии...

9 февраля 1929 г. Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и М.П. Томский передали заявление объединенному заседанию Политбюро и Президиума ЦКК, в котором сообщалось, что против них велась и ведется «травля» уже несколько месяцев и они не согласны с подготовленной резолюцией Пленума, переполненной «утверждениями, которые мы затрудняемся квалифицировать иначе, как грубейшее извращение истины»³⁰.

24 января 1929 г. на заседании Политбюро была зачитана «троцкистская прокламация», в которой был опубликован записанный Львом Каменевым разговор с Бухариным летом 1928 г., когда Бухарин сам пришел к своему бывшему политическому оппоненту, чтобы рассказать о невозможности работать со Сталиным из-за тяжелых разногласий и интриг партийного аппарата. Разговор этот Каменев записал, отправил письмо Г. Зиновьеву, а дальше случилась странная история: письмо попало в руки «троцкистов», и они выпустили листовку, в которой опубликовали это письмо.

Бухарин категорически возражал, что в разговоре с Каменевым речь шла о создании фракции. Между тем была составлена партийная резолюция, в которой осуждалось поведение Бухарина за попытку создать именно фракцию, – это запрещалось резолюцией Десятого съезда партии (1921). То, как было организовано «обсуждение» на пленуме (в феврале 1929 г.), указывало, по мнению авторов заявления, на активное участие Сталина: «...формальная сторона дела представляет собою вопиющее нарушение элементарных правил партийного разбора дела, а вся история с подозрительной прокламацией есть не что иное, как своего рода дрейфусиада»³¹.

Сам разговор Бухарин не отрицал – он состоялся 11 июля 1928 г. Чтобы упрочить тезис о «фракционной» деятельности Бухарина, намеренно распространялось утверждение, что Бухарин разделяет взгляды тов. Фрумкина, которого считали безусловно «правым» за письма в ЦК, в которых видный экономист не соглашался с «чрезвычайными мерами» Сталина против крестьянства. В заявлении

³⁰ Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1928 гг.: В 5 т. Т. 4: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г. / Редкол. тома: В.П. Данилов, А.Ю. Ватлин, О.В. Хлевнюк (ответственные редакторы), Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: МФД, 2000. С. 604.

³¹ Там же. С. 606.

трех членов Политбюро говорилось: «Ни ЦК, ни партия в целом отнюдь не провозглашали теории “дани”: тов. Сталин эту теорию провозгласил и не хочет признавать свои ошибки»³². О сталинской теории «дани» сказано предельно жестко: «Эта ошибка состоит в неправильной, антиленинской, антимарксистской характеристике социального отношения пролетариата и крестьянства, что ведет неминуемо и к практике чрезмерного обложения, подрывающего основы союза рабочих и крестьян. Дань есть категория эксплуататорского хозяйства. Если крестьянин платит дань, значит, он – данник, эксплуатируемый и угнетенный, с точки зрения государства, – не гражданин, а подданный. Можно ли соучастие крестьянства в строительстве промышленности обозначать как дань? Это вздорно, неграмотно и политически опасно. Какой же союз с середняком можно наладить, если считать его за данника?»³³.

Интересно, что авторы заявления попутно высказались о психологическом портрете Сталина: никто не хотел на июльском пленуме ЦК 1928 г. разжигать спор со Сталиным, ибо все знали, «как воспринимает тов. Сталин любое критическое замечание по своему адресу»³⁴. Авторы заявления напомнили, что в ноябре 1928 г. они подавали (перед пленумом ЦК) коллективное письмо об отставке: «Почему мы подали в отставку? Потому что мы не хотели внутренней борьбы, дискуссии, какой бы то ни было групповщины, потрясения партии. Мы предпочитали пожертвовать собою во имя мира в партии, мы отказались от борьбы за то, что считали правильным. Мы не хотели отвечать на “проработку” контрмерами»³⁵.

Сила этого заявления заключалась в том, что три члена Политбюро, не признавая своих ошибок, согласны были покинуть свои руководящие посты, чтобы не нарушать единства партии. Как было сказано о Бухарине и Томском в заявлении трех, «почти весь аппарат (Коминтерна. – А. Ю.) и значительная часть представителей важнейших секций в связи со всем происходящим считают его каким-то уклонистом, а он пусть “руководит”. Это – сухая вода! Это – невозможность! Если бы тов. Бухарин пошел в КИ, он был бы там только физически, а не политически. На такую роль можно приискать и манекен. Как тов. Бухарин будет “руководить” “Правдой”, когда проверяющие его ежедневно (по разъяснению документа комиссии) т. Крумин и др. обучают его “азам ленинизма” ... Как

---

³² Там же. С. 607.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 608.

³⁵ Там же. С. 617.

может тов. Томский работать в ВЦСПС, когда за одно согласие с ним снимают работников?»³⁶.

Это был ход, который возымел сильное действие, – никто из сталинского окружения не хотел, чтобы «правые уклонисты» уходили, не признав своих ошибок. Добровольный уход – это протест, в котором остается правда протестующего, и она может обрести все большим количеством сторонников. На апрельском пленуме ЦК сталинское окружение дружно осуждало Бухарина и Томского за попытку ухода со своих должностей. Удивительно это стремление – беспощадно критиковать «правых», не жалея сил и самых резких слов, но при этом *не давать им даже малейших прав* на уход!

Главный обвинитель «правого уклона», Емельян Ярославский, выступавший первым на апрельском пленуме, не стал скрывать того, почему сталинское большинство опасается отставки трех членов Политбюро: «Опасность заключается в том, что тов. Бухарин, Рыков и Томский могут очутиться, сами не желая этого, знаменем для всех подобных групп, для всякого рода уклонистских и раскольнических групп, которые борются против линии партии и Коминтерна. Вот в чем опасность»³⁷.

Добровольная отставка в партии – это право быть несогласным, но с *обязательством* выполнять все решения партии. Казалось бы, такое понимание не должно противоречить «демократическому централизму», о котором говорил В.И. Ленин. Но ситуация в 1929 г. была уже другая. Она стала похожа на жизнь религиозно мыслящего Ордена, в котором нельзя быть несогласным исполнителем, нельзя формально подчиняться, ибо «генеральная линия» партии – это сама воплощенная и окончательная истина, с которой ты или согласен, или ты ее враг. Наиболее ярко эту мысль выразил М.П. Томский. Он говорил, что в Политбюро уже невозможно простое обсуждение дел, в котором люди могут расходиться во взглядах:

Допустим, может быть, тов. Бухарин ошибался. Всякое обсуждение, всякое выяснение вопроса из чего складывается? Один предлагает одно, другой другое. В чем заключается смысл коллегиальной работы? Каждый, кто вносит предложение, знает одно: либо его предложение будет принято, либо будет отвергнуто. Если оно будет принято, значит, оно верно, если будет отвергнуто, значит – неверно. Если поступать иным образом: когда один вносит предложение, остальные его принимают, *но ничем это не отмечают, а когда предложение отвергают, начинают из этого делать сперва ошибку, затем уклон, вынося это за*

³⁶ Как ломали нэп... С. 618.

³⁷ Там же. С. 32.

двери того учреждения, где это происходит, тогда никакая работа невозможна! (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.) Нигде никакая работа при таких условиях – я утверждаю – невозможна! Если вы установите в любом коллективе или бюро такую систему работы, что должны вноситься *только абсолютно безгрешные, безошибочные предложения, а если ты внесешь такое предложение, которое будет отвергнуто или видоизменено, то это будет рассматриваться так: вот внес предложение имярек, которое мы отвергли или изменили, потому что оно ошибочно, а ошибочно потому, что он ошибся, а ошибся он потому, что у него вообще ошибочная установка, а затем и уклон*, – тогда вообще никакая работа не будет возможна, и вся наша система коллективной работы сведется к тому, что в каждом бюро будет сидеть *один или два безусловно безгрешных апостола, которые будут изрекать бесспорные истины, диктовать свои постановления, а все кроме этого будет считаться «уклоном»*, – остальным остается только внимать и слушать, но своих предложений не вносить, потому что они могут быть признаны ошибкой, а это значит уклон³⁸.

М.П. Томский недоумевал: «Сегодня большевик-ленинец, завтра пошел к черту, оппортунист. Как это легко, как все это поразительно легко делается!»³⁹. Вся «фракционность» группы Бухарина придумана, «из пальца высосана!» – утверждал он на пленуме⁴⁰. Томский вспомнил слова Ленина: «Политбюро – такое учреждение, где можно колебаться»⁴¹.

Теперь же колебаться нельзя:

У нас этой атмосферы товарищеской терпимости к чужим мнениям нет. У нас каждый теперь обязан вносить на 100% безошибочные предложения. Если оно будет на 2% ошибочным или, как было с Бухариным, на $\frac{9}{10}$ с ним согласились, а на $\frac{1}{10}$ не согласились, то эта $\frac{1}{10}$ является «антипартийной» и т. п. К этому же пришиваются любые уклоны, а затем из секретного закрытого заседания это прорывается за двери и делается предметом широкого обсуждения⁴².

То, что Томский ничего не преувеличил, подтверждают, как ни странно, выступления самых активных критиков «правого уклона», которым приходило в голову защищать Сталина от «нападок».

---

³⁸ Там же. С. 62.

³⁹ Там же. С. 72.

⁴⁰ Там же. С. 74.

⁴¹ Там же. С. 75.

⁴² Там же.

Один из них, М.Ф. Шкирятов, утверждал, что Сталин вообще не делает ошибок!⁴³

Психологически точно и глубоко Томский определил, что именно чувствовали члены Политбюро ЦК, подавая в феврале 1929 г. заявление об отставке: «Не сказал ничего, сидишь, молчишь – саботаж. Хочешь бороться – фракционность. Не борешься, говоришь: черт с вами, я уйду – саботаж, дезертирство. Что же вы от нас хотите?»⁴⁴

Общая тенденция борьбы с «правым уклоном» сводилась, как заметил один участник апрельского пленума ЦК, сторонник Бухарина, к тому, чтобы *не упоминать в печати имени Бухарина, но спорить с его идеями, которые пересказываются с большими искажениями*. Это делалось специально, чтобы отвести от агитпропа подозрения в необъективности и травле, а с другой стороны, опорочить человека так, чтобы он не смог указать на себя в той или иной публикации: «...в печати появляются статьи, в которых не упоминается прямо имя тов. Бухарина, но в которых тов. Бухарин характеризуется как схоластик, правый уклонист и т. д.»⁴⁵

Почти полное умолчание имени Бухарина в разоблачениях «правого уклона» было связано также и с оценкой степени уклонения... в «правый уклон». Почти все участники апрельского пленума настаивали на том, что Бухарин, Рыков и Томский пока лишь сближаются с «правой платформой», но не сливаются с нею полностью. Чтобы не совершить это слияние, им нельзя покидать самостоятельно свои должности, нельзя протестовать против решений ЦК, нельзя иметь свое мнение даже при условии подчинения решениям ЦК, а нужно – признать все свои утверждения политическими и теоретическими ошибками и только тогда уходить с должностей. Мнение А.И. Рыкова, здравое и вполне политически обоснованное, о том, что можно иметь «оттенки» мнений, но при этом выполнять коллективные решения, не было услышано и понято, потому что утратила свою силу прежняя политическая трактовка демократического централизма (Анфертьев 2020). На ее смену пришла установка, согласно которой «генеральная линия» – истина, которую можно либо полностью (без всяких оттенков) разделять, либо быть ее врагом...

Вернемся к письму Афиногенова.

В контексте «молчащих» Бухарина и Томского упоминается в письме Генрих Ибсен и его пьеса, которую Афиногенов назвал не

---

⁴³ Как ломали нэп... С. 92.

⁴⁴ Там же. С. 82.

⁴⁵ Там же. С. 97.

«Враг народа» (как у Ибсена), а «Доктор Штокман» (как в постановке К.С. Станиславского):

Ты читаешь – «Фауста»?
Я – «Доктора Штокмана».
Славный старик – в наши
Дни он служил бы в Здрав-
отделе и был бы уволен за
склочное поведение и несрабо-
танность. Наташа читает «Нору»
и восхищается ее странной судь-
бой. Видишь – Ибсен почетный гость,
у которого я собираюсь учиться муд-
рой простоте и ясности...⁴⁶

Что бы ни думал Афиногенов, характеризуя политическую обстановку тех лет, – а думал он о неопределенности будущего, – очевидно, что он почувствовал перемены, которые вот-вот последуют.

Сталинизм порождает культ усреднения и исполнительства в бюрократически завершенной системе. Афиногенов тонко уловил, что управление сознанием людей осуществляется путем устрашения, ибо логика решения («никто в точности не знает – как повернут руль через неделю») ускользает от общественности; нет никакой взаимосвязи между обществом и властью («и все говорят о погоде – и все предпочитают обходить остроту, все предпочитают ждать»).

Сталинизм утверждался как Культ ошибки. Этот культ не предусматривал ни в каком виде правоту личности в духе Генриха Ибсена. Симпатия Афиногенова к автору пьесы «Враг народа» показывает, что он не вполне еще понял, в каком именно направлении произойдет смена эпох. Ему хочется дописать пьесу («...завтра я вновь возвращусь к Борису, продолжая пьесу. И если даже пьеса нигде не пойдет – все равно я допишу ее»). Пьесу он допишет, и спектакль будет успешным. Но урок партийной коррекции он выучит как прилежный ученик – и следующая пьеса «Страх», в условиях новой кампании «чистки» партийного и государственного аппарата, покажет, что Афиногенов не собирается возвращаться к милым чудачкам, да еще и беспартийным, – новая и неординарная пьеса, написанная в духе «чистки», будет утверждать правду выдвинутых-рабочих, а людьми сомнительными станут беспартийные интеллигенты.

---

⁴⁶ Афиногенов А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 24.

Литература

- Анфертьев 2020 – *Анфертьев И.А.* Модернизация советской России в 1920–1930-е гг.: программы преобразований РКП(б) – ВКП(б) как инструменты борьбы за власть. М.: ИНФРА-М, 2020. 593 с.
- Юрганов 2023 – *Юрганов А.Л.* «Бобруйское дело» и пьеса А.Н. Афиногенова «Чудак»: социально-политические реалии сталинизма и советская драматургия // Россия и современный мир. 2023. № 2 (119). С. 156–174.

References

- Anfert'ev, I.A. (2020), *Modernizatsiya sovetskoi Rossii v 1920–1930-e gody: programmy preobrazovaniia RKP(b) – VKP(b) kak instrumenty bor'by za vlast'* [Modernization of Soviet Russia in the 1920s – 1930s. Programs of reforms of the RCP(b) – VKP(b) as instruments of struggle for power], INFRA-M, Moscow, Russia.
- Yurganov, A.L. (2023), “‘The Bobruisk Case’ and A.N. Afinogenov’s play ‘Weirdo’. Social and political realities of Stalinism and Soviet dramaturgy”, *Rossia i sovremnyi mir*, vol. 119, no. 2, pp. 156–174.

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 64; Iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrei L. Yurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; Iurganov@yandex.ru